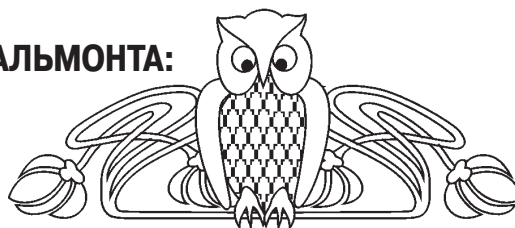

УДК 821.161.1.09-193.3+929Бальмонт

«СОНЕТЫ СОЛНЦА, МЕДА И ЛУНЫ» К. Д. БАЛЬМОНТА: ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЯ И СТРУКТУРА КНИГИ

А. И. Ванюков

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ai_vanyukov@mail.ru

В статье анализируются поэтика заглавия и структура поэтической книги К. Д. Бальмонта «Сонеты Солнца, Меда и Луны» (1917) как книги сонетов, книги символов, книги-«чертога».

Ключевые слова: К. Д. Бальмонт, сонеты, заглавие, поэтика, книга, символизм.

**K. D. Balmont's *Sonnets of Sun, Honey and Moon*:
The Title Poetics and the Book Structure**

A. I. Vanyukov

Alexandr I. Vanyukov, ORCID 0000-0002-7140-4542, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ai_vanyukov@mail.ru

The article analyzes the title poetics and the structure of the poetry book by K. D. Balmont *Sonnets of Sun, Honey and Moon* (1917) as a book of sonnets, a book of symbols, a 'chamber' book.

Key words: K. D. Balmont, sonnets, title, poetics, book, symbolism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182

«Сонеты Солнца, Меда и Луны» Константина Дмитриевича Бальмонта вышли в Москве, в издательстве В. В. Пашуканиса в 1917 г. (художник Дмитрий Митрохин)¹. Книга была «отпечатана в типографии Русского Товарищества печатного и издательского дела в количестве 5000 экземпляров на обыкновенной бумаге и 300 нумерованных экземпляров на бумаге верже» (с. 272) и представляла собой не только уникальное литературно-художественное издание 1917 г.², но и одну из лучших, оригинальных книг К. Бальмонта, вершинное, итоговое явление русского сонета Серебряного века³.

Для того, чтобы яснее, лучше понять и осознать идейно-творческое своеобразие, поэтическую концепцию бальмонтовской книги как единого целого, природу художественного мышления, словесно-архитектонического мастерства Автора-символиста, можно и нужно обратиться к поэтике заглавий и структуре книги, состоящей из 255 сонетов, 226 сонетных названий/заглавий.

«Ключ» к решению проблемы дают уже «первые слова», заглавная сфера книги, включающая в себя имя автора-поэта (К. Бальмонт), собственно заглавие/название книги и эпиграф. Заглавие этой книги К. Д. Бальмонта, как и многих других его

книг начала XX в. («Только Любовь. Семицветник», «Литургия Красоты. Стихийные гимны», «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные», «Ясень. Видение древа»), двойное, с подзаголовком: «Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня миров», сразу же дающее образ поэтической формы и содержания, меры и множество: «Сонеты Солнца, Меда и Луны» и уточняющее, конкретизирующее и дополняющее первую заглавную форму второй – «Песня миров». «Сонеты Солнца, Меда и Луны» – это «Песня миров» (6 образов-символов в заглавии). Важную роль в структуре заглавия играет эпиграф: «Слово песни – капля меда, / Что пролился через край / Переполненного сердца» / Испанская песня» (с. 5), который связывает первую и вторую содержательные части заглавия: «слово – песни – капля меда», вводит новые заглавные образы: «слово», «капля», «сердце»/«переполненное сердце», «край» («лить через край»), «испанская песня», и обозначает лирическую сферу сердца русского поэта, чуткого к стихии инонационального, испанского, мелоса.

Заглавная сфера «Сонетов...» в единстве настраивает читателя на восприятие текста книги как поэтического, сонетного целого, «первым словом» которого выступает сонет «Чертог», набранный в книге курсивом как особый, программный сонет, сонет-предисловие. «Чертог» дает матрицу бальмонтовского сонета как поэтической формы и вместе с тем образ книги «сонетов» как книги-«чертога».

Авторская мысль в движении воссоздает «строительный материал» и строительство «чертога» в их внешнем и внутреннем выражении – два катрена:

Из пламеней и лепестков червонных,
Из быстрых искр от скака конских ног,
Из тех боев, где бьется рог о рог,
Из рева бурь, и гласа гулов звонных, –

Из фимиамов сине-благовонных,
Из слов, которых вымолвить не мог,
Я принял весть, и выстроил чертог
Из тайновестей этих раскаленных. –
и два терцета характеризуют образ бальмонтовского «чертога»:

В чертоге, где прядет моя мечта,
Сплетаются несчетные покои.
В намек скрестились в нём с чертой черта.
Огнями созревает темнота.
В углах сосуды, где в густом настое
Хмелеет сказка, и цветет алоэ (с. 7).

К. Бальмонт создает эталонный образ русского ямбического сонета с классической схемой женских и мужских рифм: АвВА – АвВА – Сdc – Cdd.

Второй сонет книги (первый в основном корпусе «Чертога») называется «Поэт» и намечает основную, стержневую образ сонетной книги – образ поэта-художника в его символическом существе:

Художник в миге – взрыв в жерле природы,
Просветный взор во-внутрь Господних глаз
(с. 9).

Поэты, по Бальмонту, Братья и «Духа переходы» (с. 9):

Но если я поэт, да не забуду,
Что в творчестве подземное должно
Вращать, вращать, вращать веретено (с. 9)
(АвВА – АвВА – Cdd – Cdd).

Следующий сонет с опорно-заглавным названием «Сонеты Солнца» – 16-й в книге, и интересно проследить, как складывается система заглавий в этом первом объеме книжного «чертога». В последовательности идут «Котловина» («Пожар – мгновенье первое Земли», с. 10), «Огненный мир» («Вся жизнь Огня сгущено-ароматна», с. 11), «Пламенный» («Я пламенный, я твой, дозволю сверкнуть, Господь», с. 12), «Жертва» («Весь мир застыл ... И огонь, вещая ливень, рушил гром», с. 13), «Звездные знаки»:

Творить из мглы, расцветов, и лучей,
Включить в оправу стройную сонета,
Две капельки росы, три брызги света,
И помысел, что вот еще ничей ...
Не это ли Веселая Наука,
Который полный круг, в расцвете лет,
Пройти повинен мыслящий поэт? (с. 14),

«Горное откровение» («Дойдя до самой сказочной черты, / Взнеси свой дух на крайние изломы», с. 15), «Та, которою движутся звезды» («Условие и краски бытия, / ... Желанье Солнца грезу сделать краше», с. 16), «Рассвет» («Купавы словно дремлющие луны», с. 17), «Что со мной» («Что сделалось мо мной? Я весь пою. / Свиваю мысли в тонкий строй сонета / ... Всю Вечность принимаю как мою», с. 18), «Пир» («Пир огненный вверху уже готов», с. 19), «Оно прекрасно» («Какое слово в Вечность побежало? / ... От Солнца к Солнцу я свечой горю», с. 20), «Умей творить»:

Умей творить из самых малых крох.
Иначе, для чего же ты кудесник?
Среди людей ты Божества наместник,
Так помни, что в словах твоих был Бог (с. 21)

и «Цветок» («Цветок – мечта расцветшего растения / ... Цветок цветку – планета молодая, / Тайственный о счастья разговор», с. 22).

Четырнадцать сонетов очерчивают вселенский, бытийный круг слова поэта, ставят свои «звездные знаки», приглашают читателя на духовный, творческий «пир». И затем органично следует ключевой по заглавию сонет – «Сонеты Солнца» (первая строка – заглавие книги):

Сонеты Солнца, Меда, и Луны.
В пылании таинственных июлей,

Бросали пчелы рано утром улей,
Заслыша дух цветущей крутизны.
Был гул в горах. От Солнца ход струны,
И каменный баран упал с косулей,
Сраженные одной и той же пулей.
И кровью их расцвечивал я сны.
От плоти плоть питал я, не жалея
Зверей, которым смерть дала рука.
Тот мед, что пчелы собрали с цветка, –
Я взял. И вся пчелиная затея
Сказала мне, чтоб жил я не робея,
Что жизнь смела, безбрежна, и сладка (с. 23)
(АвВА – АвВА – Cdd – Ccd).

Второе «чертожно»-структурное слагаемое книги – также сонетной меры. Следующие 14 сонетов со своими заглавиями идут в сонетном ритме – первый «катрен»: «Полдень» («С утра до полдня в духе я певучем», с. 24), «Огневзнесенье» («И вот Луне содвинуться пора. / И Солнце потопило выявление / Священной пляски, пир огневзнесенья», с. 25), «Из пропастей» («Из пропастей эфира неземного, / Из областей, где невозможно дно, / Идет к звену блестящее звено, / Куя чертог, крепя сапфиры крова», с. 26) и «Среди видений» («Среди видений разных Вещества / Упился Дух несчетностью уборов», с. 27). Второй «катрен», вторая четверка сонетов: «Древо» («Ствол Древа кряжкий. В светах изумруда / Вершина ускользает в синеву», с. 28), «Мир» («Так я один в пространстве беспредельном, / Но с миром я, во мне ему хвала, / Ему во мне поют колокола, / Через него я стал певцом свирельным», с. 29), «Игра» («Играет Солнце, вокруг меня луны, / И проводя бесчисленность планет... Сознание, понять тебе пора... / Что в Вечности всегда идет игра», с. 30) и «Мысль» («Я был конем... Слагая, раздвигая, рдея, рея, / Я пробежал бесчисленность миров. / Нет большего на свете чародея, / Чем мысль», с. 31). Затем – «терцеты», первый сонет – «Звенья» («В морях лазоревых усеяно все дно / Неизчислимыми словами звездной пыли», с. 32), второй – «Обратный путь» («Пройди от фиолетовых до красных / Все красочные в радуге пути... Пчеле миг встречи с венчиками сладок... От лепестков струится вихрем стих. / Ты к молниям привык. Подслушай их. / Они поют – сонетами из радуг», с. 33), третий – «Полная чаша» («Пока на дне небес проходят токи, / Певучие ряды, к звезде звезда / Влюбилась в берег здешняя вода. / Два облика. Они зеленооки», с. 34). И еще одна тройка сонетов: «Рождение любви» («Любить – живых учила красногрудка, / Вся серая была она в Раю», с. 35), «Удел крылатых» («Две птички видеть – нежно и досадно... / Люблю я, все же, более одну... / Высокий миг – создать свою струну», с. 36) и «Закон природы» («Природа – прихотливейший творец. / От простоты всегда уходит в сложность. / Ей побеждать желанно невозможность. / Повсюду рассыпать дожди колец. / Нигде не говорит она: Конец», с. 37).

И следующий объем «чертога» книги опять-таки укладывается в сонетную меру (31–44-й сонеты). Выделю «начала» и «концы» этой сонетной части, заглавия – ключевые, опорные символы книги: 31-й сонет «Знание вне знания» («Есть знание вне знания в существах. Внушаемость. Открытость вечным чарам. / Мир никогда, живя, не будет старым. / Пока есть сердце, жгучий есть размах», с. 38), 32-й сонет «Зеркало в зеркало» («Чтоб дух горел в чарующем алмазе, / И мысль играла в радуго и гром, / Идут пиры, в пространстве мировом, / Различья форм, цветных разнообразий», с. 39). Заглавие 42-го сонета «Зверь» («Сто сорок саженой чудовищной длины, / Приди в четырнадцать размерного сонета», с. 49). Заглавие 43-го – «Луна и Солнце» (основные, заглавные, ведущие образы, мотивы книги – в зеркальном отражении):

Луна, через меня, струит мечту,
А Солнце, через свет, творит созданья.
Но сердцу – что вернее, чем мечтанья?
Напев Луне – наряднее сплету.
Как Солнечную встретить красоту?
Немею в ослепленьи обаянья.
Я с Солнцем знаю счастье ваянья,
С Луной горю и гасну на лету.
Всего видней летучее горенье.
Ваянья ломки. Устает рука.
Ручей поет звучнее, чем река.
Мечта – правдиво-нежное влюбленье.
Она прядет из зыби огонька.
Огонь погас. Но зыбь живет века (с. 50)
(АввА – АввА – Cdd – Cdd).

44-й сонет «Человек», идущий вслед за сонетом «Луна и Солнце», можно также считать программным, в его названии – бальмонтовская мифологема «человека»:

Весь человек есть линия волны...
Мы влагой и огнем воплощены.
От Солнца мы, но мы из Океана.
Индийский сон...
Раскрылся чашей лотос голубой.
И бог в цветке. А жизнь цветка медвяна (с. 51).

Следующие 14 сонетов (45–58-й) как раз и воссоздают – поэтически – процесс становления человека, мифологический «круг», «кругозор» поэта-творца: (по заглавиям) «Сон девушки» («Она заснула под слова напева... / Ей снилось. Нежно у нее из чрева / Росла травинка. Брызгал плеск ручья... / И вырос лес», с. 52), «Ребенок» («Ребенок, пальчик приложив к губам, / Мне подарил волшебную картинку», с. 53), «Печати» («Смотреть печати давних прохождений... / И чувствовать, что так же ты лишь строчка / В Поэме Мира. Всклик, вопрос, и точка», с. 54), «В те дни» («В те дни, когда весь мир был Океан», с. 55), «На огненном пиру» («И Божья новая еще нас ждет Неделя. / Не так уж далеки пред Ликом Божества / Акульи плавники и пальцы Рафаэля», с. 56), «Два достижения» («Два раза человек был в мудром лике змея», с. 57), «Из жерла» (с. 58), «Зверолов» (с. 59), «Пешерник» («В пещере начертал он на

стене / Быков, коней. И чаровали гривы», с. 60), «Младший» («...Дунул. Кость запела», с. 61), «Посвященные» («Глядят жрецы, являя ликом власть», с. 62), «Край Озириса» («Могучий Ра высоко поднял диск», с. 63), «Два мира» («Я слушал голос древних посвященных... Мне ближе те, которые древней», с. 64) и завершающий эту часть книги сонет «Кругозор»:

По кругу я прошел весь горизонт...
И я люблю надречные туманы,
И в дни декабрьской трезвенной поры
Разумных мыслей сны и караваны (с. 65)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

В сонетном ритме идут стихи/сонеты 59–72-й, раскрывающие цивилизационные, культурные, природные образы и «соотношения»: «Призыв» («О, братья мира. Гнев свой да покинем, – / И строить в мире место будет нам», с. 66), «Относительность» («Есть однодневка, есть одноминутка. / И есть односекундка меж зверей», с. 67), «Соотношенья» («Алмазны скрепы всех соотношений, / Везде узор их музыки ловлю», с. 68), «Зерно» («Двуликий знак... И выйдет к Солнцу – нивою бескрайней», с. 69), «Сноп» («Снопы стоят в полях как алтари», с. 70), «Кровь путает» (с. 71), «Брусника» (с. 72), «Мир благовестия» («Какой он благозвонный, светлый лес», с. 73 – 66-й сонет: перебивка рифмовки в катренах: АввВ – ВавА), «Наука» («Я красному учусь у пламенного мака», с. 74), «Среди деревьев» (с. 75), «Древесная кора» (с. 76), «Охота» («Шмели – бизоны в клеверных лугах», с. 77), «Крот» («От детских дней я полюбил крота», с. 78) и «Содружество» («В саду стоит работавшая лейка. / Все политы цветы. Им лучше так», с. 79).

Следующий сонетный «пролет» (73–86-й) продолжает авторское воссоздание природного круга образов-символов во «вселенском стихе»: «Змей» («Уходит длинной лентою река... / Служа немым изображеньем Змея», с. 80), «Ласточка» (с. 81), «Жужжанье мух» («Еще желаю целый мир пропеть я», с. 82), «Договор» («Я в договор вступил с семьей звериной / От детских лет. Строй чувств у нас один», с. 83), «Свеча» («Я мыслью прохожу по всем мирам, / Моя свеча пред каждой иконой», с. 84), «У стебелька» (с. 85), «Светлая ночь» («Весь слитный сад не шелохнет листом... / Кузнечик в ночь кричит: “А что потом?”», с. 86), «Вселенский стих» (80-й, программный сонет):

Подняв лицо, я Солнцу шлю моленье,
Склонив лицо, молюсь душой Земле.
Весь Звездный мир – со мной как в хрустале.
Миры поют, я голос в этом пенне.
Пловец я, но на звездном корабле.
Из радуг льется звон стихотворенья (с. 87)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

Далее: «Мудрость весны» (с. 88), «Лес» («Да будет всяк – в лесу – Великим Паном», с. 89), «Завет» («Вели мечтам, чтоб в беге были рьяны», с. 90) и «Творчество» («О творчестве тоскуя с детских дней», с. 91), «Голубой сон» («От незабудок шел

чуть слышный звон», с. 92), «Липовый цвет» (с. 93).

Завершает первую сотню сонетов «сонетная конструкция» (87–100-й сонеты), выписывающая изящную форму поэтического/сонетного движения по принципу «круга», «зеркальности», даже «зеркальности двойной» (с. 107) от «Мудрости» до «Лунной воды».

Сонетные названия/авторские образы-символы складываются в гибкую систему, связывающую «Мудрость» («Ни за какое счастье не отдам / Я мудрость змея с сердцем голубиным», с. 94), «Здание» («Уходит в высь игла из чистой стали. / На стали – пурпур. Знамя – Красота», с. 95), «Сокровенность» («Все камни к свету вырвутся в свой час, / Как Красота – из океанской пены», с. 96) и «Перстень» («В захватной лапке цепкого гнезда / Три камня. Изумрудный, алый, синий», с. 97) (первый «катрен»). Далее «Аквамарин» (с. 98), «Лучший стих» (о цветке маргаритка: «Но лучший стих – где очень мало слов», с. 99), «Зеркальность» («Вода зеркалит ветку вырезную, / Другая ветка связь с землей крепит», с. 100) и «Художник» («Ты как бы сын племен, – / Которым первый миг Земли был явлен», с. 101) (второй «катрен»). Затем два «терцета» (95–100-й сонеты) концентрируют внимание на душе, «прозреньи» лирического героя: «Различность» («Взгляни в себя. Взгляни душой окрест», с. 102), «Прозренью» («И слышишь голос Мира, голос древний... / Мы все здесь в мире – в верной длани Бога», с. 103), «Далекое» («Мне грезится Египет, Атлантида, / Далекое. И мой Сиамский кот / “Плыви в Сиам” мурлыча мне поет», с. 104), и начинается разворачивание картин земного «далекого»: «Сила Британии» (с. 105), «Сибирь» («Страна, где мчит течение Енисей», с. 106) и «Лунная вода», 100-й сонет, герой которого Фан-Чжу «зеркальностью двойною» колдовал: «И вот роса зовется Шань-Чи-Шуй, / Что значит: Колдованье высший струй» (с. 107). Сонет оркеструется в «зеркальной»/«лунной» рифмовке: АвВА – ВааВ – Сdc – Cdc.

Первые четырнадцать сонетов второй сотни проводят читателя по странам Востока: «Китайское небо» («Там Полюс Мира», с. 108), «Ткань» («Склонившись, китайка молодая / Любовно тклет узорчатый ковер... / Что может быть прекрасней, чем Китай», с. 109), «Китайская греза» (с. 110), «Занавес» («Китайский красный занавес так ал», с. 111), далее «Спор духов» («Дух Юга людям показал испанку... / Дух Севера зажег мечту-светлянку... / Но дух Востока, дунув, создал танку... / Велел Японец танке зазвучать», с. 112), «Страна совершенная» («В Японии, где светят хризантемы», с. 113), «Яванский сад» (с. 114), «Светлянки» («В ночах яванских рдеют вдоль реки / Крылатые светлянки», с. 115). Затем два «терцета»: «Цвета драгоценного» («... Голубовато-пепелистый / яванский аметистовый питон», с. 116), «Боро-Будур» («Храм белых Будд. Гигант Боро-Будур», с. 117), «Пляска колдуна» («Он в пляске шел волшебный

Папуас», с. 118) и «Островное созвездие» («В созвездии, зовущемся Самоа», с. 119), «Закатная риза» («Я уплывал по морю Гавайки», с. 120), «Древо Туле» («Я был в одной из самых крайних Туле», с. 121).

Второй «сонетный ход» второй сотни сонетов (115–128-й) намечает книжный сюжет движения лирического героя по кругу от «нового мира»/«нового Света» к старому, Европе, и от «Дыма» («Яда»-алкоголя) к музыке, любви: «Дорогой Дыма» («К твоим горам мои уходят думы. / И дым иной был в грезе Монтезумы», с. 122), «Синий жгут» («Для мудрого не может быть вопроса... / Одна из самых нежных папираса. / В ней жертва есть», с. 123), «Воспоминание» («Голубоватое кольцо, все кольца дыма, / Моих Египетских душистых папирас... / Я мысляю далеко. Я в самом сердце Рима», с. 124), «Шаман» («Шаман, глушащий сразу в сердце боль... / Я знал твой быстрый пламень, Алкоголь», с. 125). Вторым «катрен» начинается программный, исповедальный сонет «Яд»:

Мне чужды Сатанинские забавы.
Сновидец-Опий. Власть дает Гашиш.
И Морфий...
Но я мои сонеты и октавы
Им не отдам. Мне дорог Яд, но лишь
Такой, в котором творчески горишь,
И как вулкан, стремишь потоки лавы.
Мой яд – Любовь (с. 126)
(АвВА – АвВА – Сdd – Cdc).

И далее: «Рождение музыки» («Звучало Море в грани берегов», с. 127), «Свирель» («Журчание пастушеской свирели», с. 128), «Волею рук» («Настраиванье скрипок...», с. 129). Затем три сонета: «Музыка» («Что в музыке? Восторг, неожиданность, боль... / Еще побыть в прозрении дозволю», с. 130), «Предошущение» («Я далеко. Над Капри воздух синий... / Бьет полночь. Бледный, сел я за рояль», с. 131) и «Два голоса» («Я в колебании качаюсь и творю. / Душой звенящую я музыку приемлю», с. 132). Этот 125-й сонет выделяется системой рифмовки, соответствующей заглавию: АвВА – ВаВа – Сdd – Сее. Диалектично выстраивается следующая сонетная триада: «Зовы звуков» («Звук арфы – серебристо-голубой... / Свирель – лазурь, разъятая борьбой», с. 133), «Мертвые звезды» («Там русла рек, где влага не течет... / И нет цветов там, чтоб собрать с них мед», с. 134) и «Люби» («Кто любит, счастлив. Пусть хоть распят он», с. 135).

Следующие четырнадцать сонетных заглавий воссоздают космический, мистический сюжет любви. Первые четыре сонета: «Он» («Он проточил и пробуравил горы... / Он звезды разместил в ряды и хоры», с. 136), «Она покоится» («Она покоится, меж звезд, где дышит мера, / И в несмолкающих гекзаметрах Гомера», с. 137), «Она» («Дочь лебедя, волны вскипевшей пена, / Грань торжества, звезда меж жен, Елена», с. 138) и «Путь к ковчегу» («Наш путь к ковчегу прям и прост» и

строил чертог» («Белая парча», с. 168), и вместе с тем: «Когда ж, когда мой дух, тоскующий и косный, / Увидит вербный свет и веющий Орарь. / И Богу песнь споет. Как в оны дни. Как встарь» («Орарь», с. 172). «Стих» К. Бальмонта и «многолавиный» (с. 168), и «колокольный». К числу программных сонетов книги можно отнести сонет «Колокол», в котором лирический герой пишет:

Люблю безмерно колокол церковный...
В дерзаны с высоты пророчит нам,
Что есть другая жизнь – и я отдам
Все голоса за этот звук верховный...
Гуди своим могучим языком.
Буди простор, и говори, как гром (с. 174)
(АвВА – АвВА – Cdd – Cee).

Следующее сонетное «продление» (14 сонетов: 171–184-й) раскрывает (в заглавиях) «круг» земной, деревенской жизни поэта («Знакомый шум», «Безвременье», «По зову ворона», «Сентябрьские облака», «Соучастницы», «Шалая», «Лебяжий пух») со своими «изломами» (сонет «Излом», с. 183 – с изломом в рифмовке: АвВВ – АвВВ – Cdd – Cee) и «кругами» (сонет «Весь круг», с. 187). Опорными выступают здесь сонеты «Сохраненный янтарь» («Идет к концу сонетное теченье. / Душистый и тягуче-сладкий мед / Размерными продленьями течет», с. 184), «Зеркало» («В воде душа. Смотри, твоя она. / Не потому ли нас пьянит Луна / ... В Луне загадка, жемчуг, хризолит. / В ней сонм зеркал волшебный сон творит», с. 189) и «Гадание» («Я зеркало поставил под Луной, / Восполненной до завершения круга», с. 191).

И естественно идут далее сонеты Луны: «Серп» (с. 192), «Луна осенняя» (с. 193), «Лунная музыка» (с. 194), «Владычица» («Была серпом – и стала кругом ныне», с. 195), «Обелиск» («Из высших пропастей паденье лунных брызг», с. 196), «Встреча» («Все видела глядящая Луна», с. 197), «Невеста» («И тонкий Серп бездонной высоты / С ней слился в чаровании, зеркальный», с. 198), «Венчанные» («Когда плывут над лугом луннозвонь», с. 199), «Слово» (с. 201) о Луне, «лунное слово» органично дополняют слова «причастия»: сонеты «Мгновения» («Пусть каждое мгновенье красоты», с. 203), «Отчий Дом» (с. 204), «Причастие» («Сегодня Бог прошел цветущим садом, / И час один я полубогом был», с. 205).

По «кольцу» движется/выстраивается поэтическая мысль в третьей сотне сонетов, финальной части книги «Сонеты Солнца, Меда и Луны». В первых 14-ти заглавиях шесть разворачивают метафору жизни-сна, жизни-смерти, любви-песни: «Тишина» («Дай млечность снов. И в Вечность путь открой», с. 206), «Постель» («Моя благословенная постель, / Где начинаю жить я, засыпая», с. 207), «Ковер» («Я сплю. А на стене моей ковер», с. 208), «Смерть» («Я помню, мне четыре было года / ... Когда старушка-няня умерла / ... Я думал, что цветы и озаренье / Действительность, а смерть лишь заблужденье», с. 209), «Кольца» («Ты спишь в земле, любимый мой отец / ... Я

у Реки... Когда же переправа? / И я с любовью кольца вам верну», с. 210), «Проблески» («Лишь проблески ответа я найду / ... Когда любовь я песней измеряю», с. 211). Далее восемь сонетов дают названия/имена, знаковые/заглавные образы «любимых» героев и художников/творцов/писателей: «Любимые» («... вечный блеск Франческа дан / медвяным Данте... Желанный мне, Британский сон, Тристан / С Изольдой», с. 212), «Пантера» («Ее воспел, среди острых гор, Грузин. / ... Как барс, её он понял лишь один», с. 213), «Блеск боли» («Дай сердце мне твое неразделенным», / Сказала Таризлю Нэстан-Джар», с. 214), «Два цвета» («Красив расцвет лилейно-белых чар... / ... Луна – вдали, как далека – Тамар», с. 215), «Неразделенность» («Витторио Колонна и влюбленный / В нее Буонаротти», с. 216), «Микель-Анджело» (с. 217), «Леонардо да Винчи» (с. 218), «Марло» («В нем бывший Фауст более велик, / Чем позднее его изображение», с. 219).

Внутренней поэтической силой и красотой отличается сонетный финал книги: он состоит из 14 заглавий / 42 сонетов, которые выстраиваются в уникальное книжное пространство бальмонтовского «чертога». Первые шесть стихов продолжают содержательную форму именных сонетов: «Шекспир» («Пленяясь звучным именем Шекспира», с. 220), «Кальдерон» («La Vid es Sueño / Жизнь есть Сон... / Он понял мир, глубокий Кальдерон», с. 221), «Эдгар По» («Он ведал все, он, мерз людей комета», с. 222), «Шелли» («Красивый дух, он шел – земной пустыней, / Но к Морю», с. 223), «Великий обреченный» («Он чувствовал симфониями света / ... Безумный эльф, зазыв, звенящий Скрябин», с. 224) и «Эльф» («Сперва играли лунным светом феи / ... Так Скрябина я видел за рояль», с. 225).

Последние восемь финальных сонетов с заглавиями завершают мощную композиционную/структурную конструкцию «опрокинутого сонета», закольцовывающего книгу сонетов, книгу – сонетный «чертог». Сонет «Лермонтов» состоит из 4-х стихов, воссоздающих образ поэта в контексте столетия: 1) «Опальный ангел, с небом разлученный» (с. 226); 2) «Внимательны ли мы к великим славам, / В которых из миров нездешних свет?» (с. 227); 3) «Он был один, когда душой алкал» (с. 228); 4) «Мы убиваем гения стократно, / Когда, рукой, его убившей раз, / Вновь затеваем скучный наш рассказ, / Что нам мечта чужда и непонятна» (с. 229).

Оригинальный образец поэтического диалога дает сонетный цикл «Вязь», открывающийся строкой Вячеслава Иванова «Ты по цветам найдешь дорогу к Раю» (с. 230 – эпиграф) и состоящий из трех сонетов, которые виртуозно соединяются системой рифмовки. В первом сонете начало: «И ты, кого по существу желаю / На жизненных путях встречать везде» (с. 230), конец: «И все пчела, и все к цветам склонен / В звененье крыл ввожу церковный звон» (с. 230).

Второй сонет «Вязи» начинается строкой: «Я чувствую, как стынет небосклон» (с. 231), а завершается так: «Себе хочу лишь одного: Смиренья». «Да будут беспредельны восхваленья / Того, что зажигает в сердце жар», – начинается третий сонет «Вязи», завершающийся итоговым терцетом: «Душа, покорно саван приготовь. / Запрись. Замкнись в снежистую завей, / И ты, кого люблю я и жалею» (с. 232). Из трех частей/сонетов состоит сонет «Вне знания», воссоздающий авторскую концепцию «знания вне знания», творчества «вне знания»: 1) «Что знаем мы о мыслях муравья, / И разве говорили мы с пчелой? ... Как мы творим – безвестным нам путем» (с. 233); 2) «И, может быть, что с Богом я ровесник, / И, может быть, что Им я сотворен. / Но что мне в том?» (с. 234); 3) «Моя стрела оперена мечтой, / Я для себя достану ей Жар-Птицу... Лети, душа, с доверьем за звездой, / Лети, душа, и догони орлицу» (с. 235). Троичен и следующий сонет «Рагль», в названии/заглавии которого – «ведьма Рагль, волшебница Пустыни» (с. 236), и автор создает «восточную сказку» о пути к святыне и о миражах на пути к Богу, Аллаху: «Наш длинный караван идет к Святыне» (с. 236), «но предо мною ведьмовское чудо, / Колодец, ров с играющей водой» (с. 237), «Недуг окончен зрения двойного / ... Алла Акбар! Лишь Бог один велик!» (с. 238). Три сонета образуют микроцикл под названием «Решенье», смысл заглавия которого намечается уже в начале первого сонета: «Решеньем Полубога Злополучий, / Два мертвых Солнца, в ужасах пространств, / ... Столкнулись» (с. 239), а затем рисуются картины рождения/возникновения третьего, нового, живого: «Здесь летопись возникновенья Солнца» (с. 239), «Два мертвых Солнца третье породили, / На миг ожив горением в толчке» (с. 241).

224-е сонетное заглавие книги – «Кони». В пяти сонетах цикла поэт-символист отразил историю взаимоотношений человека и коня, начиная со «славы» тому, «кто в первый раз вскочил на скакуна» (с. 242), – «и был как дух. Летел, схватясь за гриву» (с. 243), включая микросюжет о «белом коне» (с. 244–245), и завершая современностью: «Лишь в час Войны, лишь в бое, в час опасный, / На миг в возврате к прежней красоте, / Есть в ржаньи звук, с огнем времен согласный» (с. 246).

В финале книги (225-е заглавие) К. Бальмонт поместил венки сонетов «Он и Она», который представляет высшее выражение авторского сонетного мастерства как по форме, так и по содержанию. В 15-м, вершинно-сводном сонете дается поэтическая формула связи всех основных образов-символов, мотивов, идей и движения лирической мысли сонетного венка:

Он и Она – не два ли различенья
Того, что есть по существу одно?
Нам таинство разоблачает дно
Восторга, созерцанья, и мученья.

Все в мире знает верное влеченье
К тому, что здесь закончить не дано.
К звену идет ведущее звено,
Как буква к букве в слове заключенья.
Но в чем же завершающий конец
Стремленья двух к объятью? Не в печали.
Не в том, что близь опять вернулась к дали.
Пасхальная созвездность всех сердец
Обещана, занесена в скрижали.
Любя любовь, творение – Творец (с. 261)
(АввА – АввА – Cdd – Cdc).

И последнее – именное – заглавие сонета «Звездный витязь» (с. 262), связывая начало и конец книги сонетов, дает итоговый, обобщенный, «звездный» образ поэта-творца и Солнца на его небесных путях:

Не бог, но самый сильный брат богов.
Трудов свершитель самых трудных. Кто ты?
Из мира изгонял ты нечистоты
И, вольный, был содругом всех рабов.
Когда свистит вокруг твоих столбов
Морская буря, порваны темноты.
Ты гидр губил. Но пчел, творящих соты,
Не трогал ты на чашечках цветов.
Ты был как вышний ствол глухого леса.
Но также прясть могла рука твоя.
Когда ж земная порвалась завеса, –
Ты отошел в небесные края.
И Солнце мчит себя, мечту тая
Догнать в путях – созвездье Геркулеса
(АввА – АввА – Cdc – Ddc).

Таким образом, в заключение можно отметить следующее: книга «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта (Москва, издание В. В. Пашуканиса, 1917) имеет подзаголовок «Песня миров», эпиграф «Слово песни – капля меда, / что пролился через край / Переполненного сердца. Испанская песня», открывается сонетом-предисловием «Чертог» и состоит из 255 сонетов (226 названий/заглавий), складывающихся в уникальную авторскую книгу сонетов, книгу символов, книгу-«чертог». От первых, программных сонетов «Чертог», «Поэт» (1–2-й), «Сонеты Солнца» (16-й) – через структурно-композиционный центр книги – сонеты «Четырнадцать» «Перевязь», «Закон сонета», «Сонет сонету» (143–146-й) – до последних: венка сонетов «Он и Она» (240–254-й) и сонета завершающего/итогового «Звездный витязь» (225-й). Автор складывает и ведет «сонетное течение» («Сохраненный январь», 177-й), в котором основными, концептуальными являются заглавные символы, «звездные знаки»: «Солнца», «Меда», «Луны», «Чертога», «Поэта», «Человека», «Мира»/«Пира», «Природы», «Творчества», «Мысли», «Игры», «Видений», «Голосов» и т. д., строящиеся в единое целое по принципам/законам «сонета», «зеркальности», «кольца» / «круга», «музыки» / «колокола» / «свирели», «дороги» / «пути» и т. п. и имеющие своей мерой сонетные «четырнадцать», «четыре», «три».

В рецензии на «Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня Мир» (Берлин, Изд-во С. Ефрон, 1921) К. Мочульский верно отметил: «В этой книге стихов выявлены в чистейшем виде не только особенности бальмонтовской поэзии, но и основные черты русской символической школы вообще. В ней – богатый материал для построения поэтики символизма»⁴.

Примечания

¹ См.: Бальмонт К. Сонеты Солнца, Меда и Луны. Песня Мир. М.: Изд. В. В. Пашуканиса, 1917. 274 с. В даль-

нейшем ссылке в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц.

² См.: Выгодский Д. О творчестве Бальмонта // Летопись. 1917. № 5–6. С. 251–256.

³ См.: Бальмонт К. Стихотворения / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Вл. Орлова. Л., 1969; Сонет серебряного века. Русский сонет конца XIX – начала XX века / сост., вступ. ст. и коммент. О. И. Федотова. М., 1990; Куприяновский П., Молчанова Н. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

⁴ Русская мысль. 1921. № 10–12. С. 345–348.

Образец для цитирования:

Ванюков А. И. «Сонеты Солнца, Меда и Луны» К. Д. Бальмонта: поэтика заглавия и структура книги // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 175–182. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182.

Cite this article as:

Vanyukov A. I. K. D. Balmont's *Sonnets of Sun, Honey and Moon*: The Title Poetics and the Book Structure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 175–182 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-175-182.
